

Бесформенное — что это такое? Что это значит?

Картина тоже есть автограф, только более сложный, пространный, многослойный. И если по автографу, по почерку определяют (и не безуспешно) характер, состояние и чуть ли не болезни писавшего, если этой дешифровкой не пренебрегают даже криминалисты, то картина дает несравненно больше материала для догадок и заключений о личности автора.

Давно замечено, что портрет, написанный художником, — это одновременно и его автопортрет — это простирается и дальше — на любые композиции, пейзажи, натюрморты, на любые жанры, а также и на беспредметное, абстрактное искусство, на все, что бы ни изображал художник. И при любой его объективности, бесстрашии, при желании уйти от самого себя, стать безличным — ему не удастся скрыться, его творение, его почерк выдаст его душу, его ум, сердце, его лицо.

Как только наступала ночь, замыкались ставни и гас свет, эта маленькая, уединенная комната, на редкость тихая днем, словно преображалась. Она наполнялась звуками и начинала жить своей особой, непонятной жизнью. Скрипели половицы, громко трещала мебель, шуршала в углах отставшие обои, что-то стучало и скребилось в стенах, гудело в трубе, и даже настоящие часы, еле слышимые днем, принимались неестественно громко отсчитывать время.

Как-то я задумал купить скрипку, не для игры, а чтобы ее рисовать.

Она могла быть с дефектами, почти сломанная, без струн, лишь бы была красивая форма. Но все красивые, на мой взгляд, скрипки, оказались очень дороги, а некрасивые мне были не нужны. Позже я узнал от музыкантов-скрипачей, что у красивых с виду скрипок и бывает настоящий красивый голос,

курора, обвинителя удастся нам еще лучше, чем роль адвоката.

На исходе третьих суток, вечером, дождь, наконец, кончился и почти в темноте, в глубоких сумерках у горизонта загорелась ярная, лимонно-желтая полоса, отразившаяся в многочисленных лужах. Было сыро, тепло, торжественно и непонятно, как ожидание чего-то, как начало выхода неведомо куда.

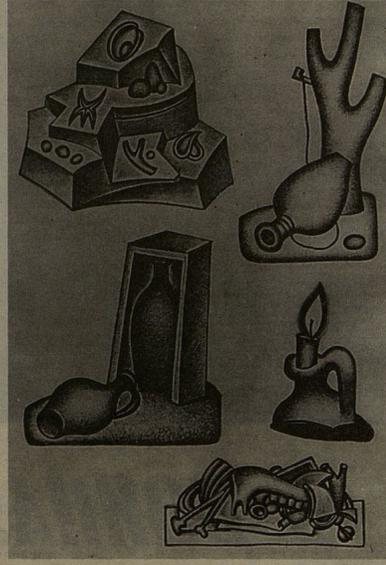
Картина — остров, независимый остров-государство, живущие по своим законам, под своим флагом.

Трудно, невозможно не видеть главные черты нашего времени, не замечать этот безудержный технический «прогресс», порождающий неисчислимые беды, ускользающий из-под контроля разума и все предполагаемое добро превращающий в зло.

Бесконечные научные открытия и изобретения, рождаемые присутствием человека любопытством и пылкостью при их реализации тут же оборачиваются в ставящийся злом, пагубой и меру этого зла невозможно предвидеть. Непомрующее количество людей, живущих без смысла, без веры, мешающих, портищих себе и себе подобным жизнь, производящих ненужные бессмысленные и вредные вещи, бездумно, безжалостно потребляющие и вытравливающие созданное до них и саму природу и уже готовые истребить себя и все вокруг.

Немыслимые скорости, неравновесие, непостоянство, спешка, грязь и отравы и бесконечный, неугасающий, отупляющий шум. Все это растет, ширится и ползет по лицу земли — проказа «прогресса».

Многие, большинство людей, уже не могут жить вне этой орудяющей их сутолой, спешки и шума. Они не переносят тишины, отсутствие себе подобных, не могут жить без постоянного звука радио, оглушающей «музыки» газет, мыскания телевизора, телефонных звонков и даже, отправляясь на

Дмитрий КРАСНОПЕЦЕВ

Свет и цвет прошедшего времени

«Что ни случилось бы с тобой в жизни, не печалься и не радуйся безмерно. Все было predetermined заранее, а твоя «свобода воли» состоит лишь в том, чтобы понять, принять и как можно лучше исполнить тебе порученное. Потому не достойно и глупо просить у Бога что бы то ни было. Ведь это значит просить у Великого Автора и Режиссера другой роли...»

Автор этих строк — художник Дмитрий Краснопетцев. В конце мая в галерее «Дом Нащокина» при журнале «Киносценарии» откроется выставка его произведений «Памяти мастера». Художник сам принимал участие в работе над экспозицией, но увы... 28 февраля его не стало.

Мы предлагаем вашему вниманию фрагменты из «Записок» Дмитрия Краснопетцева, любезно предоставленные «ЭС» журналом «Киносценарии».

«Остановись, мгновенье!..» Нет, оно пройдет, оно не остановится по моему желанию. Когда же что-нибудь тебя сильно поразит и тебе захочется сохранить это в памяти навсегда — будь то красивое, страшное, горестное или счастливое — необычный пейзаж, лицо, встреча, разговор, сцена жизни, картина, предмет — все что угодно, то когда пройдет первое впечатление, успокоятся чувства — возобновят их, но посмотри более откровенно, сосредоточься, оглянись и посмотри вокруг, не на главное, а затем вернись к главному и прикажи себе — «запомни!»

Прошлое — единственное наше достояние. Будущее — неведомо, настоящее — неуловимо. Возникает, оно тут же становится прошлым. Прошедшим, но не прошлым. Оно еще не устоялось — все сыро, шумно, обременено случайными деталями — это пока только лишь материал, из которого время создаст картины прошлого.

И вот они появляются — одна, другая, третья — портреты, пейзажи, интерьеры, сцены, сложные композиции — оказывается, все сохранилось — воздух, свет, краски, лица людей и домов, леса и реки, зимы и весны, дни и ночи — все, вплоть до запахов, до очерченных облаков. Но все пришло в порядок, отлилось в устойчивые формы. Картины развешаны, вставлены в рамы, покрыты лаком — в них уже ничего не изменишь, не перепишешь — целая галерея картин — наше прошлое.

Глядя на раковины, рассматривая их, я не понимаю, не знаю причин той или иной конструкции, не понимаю назначения и логики всех этих шипов, выступов, впадин, пазов и окраски, но вижу, что это удивительно красиво и гармонично. Так целесообразность неотделима от красоты и можно, не понимая первой, любоваться второй.

Смешная и глупая забота иных художников — быть современными. Попробовали бы они не быть ими. Даже копии и те всегда современны, то есть принадлежат тому или иному, одним словом, своему времени.

Я слышал за собой шаги, я остановился — звук шагов исчезал. Я оглядывался и никого за собой не видел. Шел дальше и опять слышал шаги за собой — это был звук моих шагов, это я шел за собой.

а некрасивую можно и не пробовать, в ней нет звука и души.

Порядок и чистота! Но если невозможно соблюсти оба эти условия красоты, то порядок предпочтительнее. Порядок — это композиция, из порядка произошли все искусства, произошли все.

Порядок родит тишину. Оттого это происходит? Оттого ли, что становится тихо, оттого ли, что замирают звезды в небе? Оттого же ночью рождался только привидения и страхи, но и самые светлые мысли, мечты и откровения, удивительные тончайшие фантазии, стоящие на грани земного и небесного, красивые и хрупкие. Ночью, вдруг, ренессанс стать другим, изменить свою жизнь, видишь свои ошибки и все это рушится — мечты, фантазии, желания — все рушится и исчезает под трезвым, холодным светом утра.

Номер родильного дома, номер родившегося — и начались номера... Номер дома, квартиры, школы, номер в классном журнале, телефона, почтовое отделение, милиция, паспорт, номер обуви, рубашки, костюма, диплом, брачное свидетельство, кое-кто после номера «дела» сам превращается в номер, множество мимолетных номеров на книжках, в гардеробе и, наконец, последние — номер больницы, палаты, свидетельства о смерти, номер в морге, написанный чернильной кистью на голой ноге, потом номер в крематории, горящий и не сгорающий рядом с тобой или номер могилы и кладбищенского участка. Все? Можно ли поставить знак Z, как в старых бухгалтерских книгах — после чего уже нельзя продолжать и можно только начинать сначала?

Ему снилось, что он превратился в каплю и им овладел мучительный страх, что вот сейчас эта капля — он, потеряет форму и растечется — и это будет конец. Он замер, боясь малейшего сотрясения, до боли сжался внутри, пытаясь удержаться и чувствуя, что все усидя напрасны, что это произойдет, началось... и проснулся.

Высокие деревья, высокая трава, цветы — все свежее, первозданное: уединенно, тихо, красиво, но в двух шагах от меня, в маленькой лужице плавают скомканная, размокшая газета.

Если «чужая душа» — потемки, как часто говорят, то что же сказать о своей душе? «Я знаю все, но только не себя», — писал Вийон. Чужая душа видней, несмотря на потемки, — есть обозрение, отход, а к познанию себя отхода нет.

Завет древних — «познай самого себя» — неизменно труден, почти неисполним. Сразу же начинаются бесконечные сделки с совестью, умом, со своими недостатками, и мы превращаемся в близких знакомых адвокатов, защищающих все, что подлежит осуждению, допускаем всяческие скидки, и уж если совесть и беспристрастие начинают побеждать, то просим о снисхождении, о помиловании, учитывая и принимая во внимание то, что не заслуживает внимания.

Когда же мы судим чужую душу, то роль про-

погулку в лес или на берег моря, берут с собой портативные орудия корабки, их страшат и гнетут паузы в привычном, постоянном шуме. Они не замечают, что заражены, болыи страшной болезнью, у которой нет пока имени. Но есть и другие люди, невольно втянутые в этот бешеный круговорот, они задыхаются, стремятся из него вырваться, хотя ненадолго, чтобы иметь возможность перевести дух, осмотреться, побыть в тишине, одиночестве, сосредоточиться, увидеть небо над головой, не расчерченное проводами, звездами, как великое туло, не предмет космических исследований, чистую волю в чистых берегах, цветы, деревья, травы. Они стремятся, чтобы в них родилось чувство, родственное тому, какое испытывает человек, попавший из шумной людской толпы в полупустоту, прохладный, величественный храм.

И мне кажется, нет я в этом уверен, что искусство нашего времени, в силу необходимого и желанного контраста, как никогда прежде, требует тишины. Величавое, строгое, уравновешенное, оно должно пробуждать в нас чувство покоя, порядка, постоянства и прочности — всего того, чего лишены мы в этой безумной, уродующей души, повседневности.

Не только шурдерские карты — все на свете имеет свой край, свои эле уловимые отличия, свои «особые приметы». Маленькая трещинка, скол, пятнышко определенной формы, родинка, бородавка, полустертая татуировка, совсем стертая, но оставившая белесый след, чуть искривленный ноготь, еле заметный шрам или след ожога, чуть измятая мочка уха или поматая страница книги, неровная шляпка гвоздя, не совсем точно наклеенная полоса обоев, все эти чуть-чуть, едва, немножко, почти — еле заметны, но неизбежные и уловимые глазом признаки. Просто глазом без лупы и микроскопа. Нет не только двух одинаковых листьев на одном дереве, нет ничего одинакового и не имеющего своих индивидуальных отметок — все дело во внимании смотрящего.

У осязания свои приметы, свои шероховатости и переходы форм, так хорошо различаемые слепыми, у звука свои нюансы, у вкуса и обоняния — свои, и все это так же крапленность и неповторимость. Безусловно, зрению заметно и доступно большее количество улик, оно лучший криминалист, следователь и судья, обвиняющий природу и человека в неумении создавать абсолютно идеальное или хотя бы точно повторить себя, без предела и допуска точности.

Тата к старине, почтенье, удивление, преклонение ко всему и перед всем, что хотя бы на сто лет старше нас, не говоря уж о более отдаленном времени. Будь то кирпич, ковшин, дерево, ячонка, монета, картина или книга, будь что угодно и даже если это беднари и некрасиво, но пахнет старинной, уже притягивает нас.

Этой книге 200 лет! Неважно, какова книга, она невольно возбуждает интерес. 100, 200, 500, 1000 лет! Это магнетизирует невольно. Даже если выражение «почтенный возраст». Что за этим? Собственная скоротечность или скрытое желание бессмертия.

Перечитывал Гофмана, вновь погружаясь в его причудливый, фантастический мир, где реальность так изумительно преображается в волшебные феири, и мне вспомнился виденный мною когда-то японский калейдоскоп. В нем не было обычной начинки из разноцветных стеклышек и прочей мелочи, из которой составляются орнаменты в простых калейдоскопах, он превращал, благодаря хитроумной системе призм и зеркал, в причудливый мир все, на что его наводили.

Люди, пейзажи, предметы, любая действительность, разлагаясь по оптическим законам, превращалась в самые замысловатые арабески. Бесспорно, что Гофман был обладателем подобного, но еще более совершенного калейдоскопа, было у него и волшебное стеклышко Мастера-Блоха и илла, изобретенная Жаком Калло, и клавиши Глюка и множество других удивительных инструментов, которыми он так мастерски владел. Была у него и надежно спрятанная бутылка с остатками элексира Сатаны, к которой прибегал он крайне редко, предпочитая полные бутылки добрых немецких вин.

Существует «античный цвет» — он не черный и не красный, не белый и не желтый, не зеленый и не синий, но он и красный и черный, и желтый — он всякий, но прежде всего «античный». Он в каждой древней амфоре, в каждом обломке мрамора, осколке глиняного сосуда и стекла, в каждом куске бронзы и фрагменте фрески. Из Греции и Рима он перешел в Византию и Средние века, доходит почти до наших дней, постепенно слабеет, встречаясь все реже и реже, и наконец исчезает совсем. Может быть, это цвет прошедшего времени, патина лет? Не знаю. Но этот цвет существует.

Как хорошо проснуться рано, когда еще совсем темно и почувствовать, что высался. А кругом все еще погружено в сон. Спит шкаф, столы, стулья, спят книги на полках, спит вся комната и только бессонные часы отсчитывают время. Хорошо лежать и смотреть, как медленно светлеет окно, как на стеклах вырастают морозные голубые узоры, как появляются изображения на картинах, как все просыпается — рассвет пробуждает формы и краски, наступают новый день, новый и неизменный.

Бессонница. Переворачиваясь с боку на бок, переворачиваясь горячую подушку, стараешься ни о чем не думать, считаешь про себя до ста, двухсот... все напрасно, сон не приходит. Бьет за стеной часы — три, половина четвертого, четыре. Наконец, сморщившись и вдруг, на смену мучениям являются воспоминания — картины: яркие, разные, давние, неизменно как учительские, и совсем близкие, без последовательности и порядка. Вот рисунок на обоях, знакомый и, казалось, навсегда забытый, долго не исчезая, четко со всеми подробностями стоит перед глазами. Быстро промелькнуло лицо давно умершей бабушки. Розовая промерзшая глинистая дорога, полосатые пестрые морские камешки в белой тарелке с водой, портрет Бельтрафио, синие лампы в коридоре. Раннее серо-зеленое утро на даче, утро пропитанное водой, первый день войны, уголки

московских дворов, поздние вечерние уроки в школе, солнечный искрящийся день — 1 апреля, неизвестно какого года, дождь и двойная радуга, иллюстрация к Гоголю из давно пропавшей книги и отдельные предметы из далекого детства, храм Христа Спасителя, маленький городок, в котором был всего один день, деревня, по которой проходил только один раз, но вот та же разрушенная церковная ограда и два валуна у входа, один из них покрыт ржавыми пятнами, рядом с ним расположенное ведро. Быстро пронесся перед глазами прошедшие дни, все ярко, вышло, точно. Но точно ли? Пытаюсь остановить этот поток картин и приглядеться внимательней, сравнить то, что вижу, с тем, что было. Не удается. Начинаю сомневаться в точности и думаю, что если бы возможно было сравнить, наложить возникающие в памяти изображения на прошлые ощущения и видения, они не совпали бы.

Прошлое изменилось во мне, не просто уменьшилось и стерлось, как бывает при удалении предмета, а изменилось по законам другой временной перспективы. Вот и все исчезло. Промелькнуло еще несколько изображений, но все мутно, обесцвечено, почти неразличимо. Бьют часы. Оказывается, прошло всего полчаса.

В Вене в Музее истории искусств находится одна из картин Иеронима Босха, вернее две картины на двух сторонах доми. На одной стороне, в криво, изображен обнаженный мальчик — Иисус Христос с детскими игрушками. Одной рукой он катит перед собой игрушку на колесиках — такие игрушки давали детям, делающим первые шаги по земле, а в другой руке у него вертушка на палочке. На обратной стороне — другая картина. Христос, окруженный злобой толпой, в терновом венце, согбенный и веломый на веревке, несет крест на Голгофу. Две стороны — две картины, начало и конец.

вых построений, не исключая и сюжетных сторон, передачи настроений, сколько всего — через глаз для ума и сердца.

«Малые голландцы» — тут весь уклад жизни от одежды, мебели, посуды до меню завтрака и формы ночного горшка — мастерство, поэзия повседневности, жизнь.

И большой голландец — Рембрандт — автопортрет великой души.

В витрине музея лежат куски древнего окаменевшего ила, песка или глины с четкими отпечатками волн древнего, давно уже не существующего моря и капель бывшего дождя.

Ветер и маленький котенок играют в саду упавшими желтыми листьями.

Когда в комнате твоей много людей, накурено и душно, когда вокруг спорят и говорят, не слушая друг друга, представь себе мысленно мокрые ветви под ветром, туманную луну и быстро бегущие облака, вдыхай свежий влажный воздух, прислонись щекой к дереву... станет хорошо и перестанешь сердиться, захочется незаметно уйти и остаться одному.

Если сегодня, сейчас тебе хорошо, то радуйся и не думай о Завтрашнем дне, ведь неизвестно, придет ли он к тебе.

Я знаю, все будет не так, как я задумал, как мне бы хотелось, а будет так, как будет, и это может быть, лучше мной желаемому.

Сегодня был удивительный день, один из тех дней, которые остаются с нами навсегда и не умирают, как те обычные будни, слагающие нашу жизнь. Ради таких дней стоит жить. Исчезают заботы и суета, все наше существование очищается и жадно, как сухая земля воду, впитывает все окружающее, остро и быстро мыслит, чувствует и все преображается, становится неповторимым, прекрасным, значительным.

Римляне отмечали счастливые дни белыми камешками, не знаю куда они их клали и как все это делалось, а мне вместо камешка захотелось написать тебе. Не уверен, сумею ли рассказать понятно, но было чудно и чтобы в нечто поверить, надо его утилизировать и пережить, боюсь, что у меня выйдет мутный слепок с живого лица. День, может быть, самая оптимальная мера времени. Год не охвативший целиком взглядом, час — слишком быстротечен, а день иногда остается, как единая целая фраза. Нет, не смог, вырвал листья, не получилось. Вышло скучное описание обычной загородной прогулки. Утро, дорога, деревья, случайно промелькнувшие лица, разрушенная церковь, лес, ручей в лесу, плоские камни на дне, высокие желтые цветы, града валунов, дождь, лужи, никаких событий — все обычно, а было чудно. В чем оно, я сам не знаю, потому и не сумел объяснить, откуда эта необычность, подьем чувств, красота повсюду, когда каждое дерево, камень, грязь на дороге — все становится необычным и драгоценным.

Может быть, я устал. Сейчас уже новый день, а тот был вчера, и все, что я могу сделать, чтобы он не потерялся, — это обозначить его — 5 июля 1956 года в замену белого камешка.

Желаю тебе таких дней.

● Эскиз из рабочей тетради.
● «Висящие пузырьки». 1978 г.